

В прежние времена кланы Сяо и Сунь часто общались, но о детских годах сейчас вспоминать не стоит.

Став взрослой, прежняя хозяйка этого тела впервые увидела Сунь Шаохуа, когда он был облачен в лазурный халат. Его широкие рукава развевались на ветру, и он казался изящным персонажем, сошедшим со старинного свитка.

В тот день Сунь Шаохуа, размашисто работая кистью, подарил ей иероглиф Лань. Штрихи были твердыми и исполненными силы, и девушка, придя в восторг, отдала ему свое сердце.

Но кто бы мог подумать, что жизнь в браке окажется бесконечно далека от ожиданий. Лишь позже она узнала, что Сунь Шаохуа был так обходителен со всеми подряд. Даже на веерах у куртизанок из публичных домов красовались его каллиграфические надписи, причем содержание их было куда более нежным и проникновенным.

Прежняя хозяйка была разочарована, но продолжала надеяться, отчего стала замкнутой и подавленной.

Сунь Шаохуа, привыкший к всеобщему обожанию и высоко о себе мнивший, не мог проникнуться к ней симпатией. Да и к тому же, над душой постоянно стояла эта властная свекровь.

Перед приходом Сунь Шаохуа Сяо Лань мысленно перебрала все детали общения прежней хозяйки с супругом. Теперь она понимала: воспоминания той девушки были слишком субъективны, доверять им полностью нельзя, нужно самой выуживать из них полезную информацию. Например, кто в этом доме настоящий кукловод — госпожа Сунь или матушка Юй.

Неизвестно, сколько прошло времени, сменился не один чайник, пока наконец фигура Сунь Шаохуа не показалась у входа во двор.

Сяо Лань поднялась навстречу. Ее светло-желтое платье легко колыхалось на осеннем ветру, а изящный поклон выглядел исполненным достоинства.

— И на что только у тебя хватает терпения, — Сунь Шаохуа, заметив, что на ее лице, несмотря на болезненную бледность, наведен тщательный макияж, презрительно усмехнулся и, взмахнув рукавами, широким шагом вошел в дом.

Сяо Лань пропустила его насмешку мимо ушей. Она отослала слуг, вошла следом и затворила за собой дверь.

Собственноручно налила чай, поставила его рядом с супругом и только после этого присела.

— Говори, что хотела, и побыстрее. Если бы не твоя служанка, которая умоляла меня прийти, я бы и не появился.

Каждое слово Сунь Шаохуа сводилось к одному: в его глазах Сяо Лань значила меньше, чем простая прислуга.

— Неужели господин в глубине души и вправду желает мне смерти? — голос Сяо Лань звучал ровно, без тени волнения. Вспоминая прошлое, она понимала: хотя Сунь Шаохуа и тяготился

ею, до убийства дело бы не дошло. Между ними было лишь его распутство и ее тоска.

Вопрос был задан прямо, а прямые слова часто бьют в самое сердце. Сунь Шаохуа невольно задумался: а когда это он вдруг пожелал ей смерти? Просто она сама была слаба здоровьем и вечно твердила, что умирает, а он не придавал этому значения, полагая, что если она действительно умрет — ну и пусть.

— Ты сама таешь от болезней, дни твои сочтены, как ты можешь говорить, что это я хочу твоей смерти?

— Вот и хорошо, — от этих слов Сяо Лань Сунь Шаохуа невольно посмотрел на нее с подозрением.

— Говори прямо.

— Если господин не желает мне смерти, значит, я смогу жить дальше. В конце концов, хозяин этого дома — вы.

Сяо Лань смотрела на него нежными глазами, полными надежды.

— Это само собой разумеется! — Сунь Шаохуа отпил чаю и отрезал категорично.

— Раньше я была слаба и не могла помочь семье, а перед смертью даже наговорила свекрови всякого бреда. Но я — женщина, вошедшая в клан Сунь, разве могу я желать клану зла? Просто у меня были сомнения, а как их разрешить — я не знала.

Сунь Шаохуа промолчал, прищурившись, разглядывая Сяо Лань. Раньше она не вызывала симпатии, но и склочницей не была. Стоило послушать, что за сомнения у нее возникли.

— Сейчас у клана Сунь две лавки тканей, две аптеки, три поместья и четыре сдаваемых в аренду магазина. Господин ведь всё это знает?

— Что? Решила свести со мной счеты? — наученный горьким опытом, Сунь Шаохуа тут же изменился в лице.

— Я и вправду свожу счеты, но не с вами, — Сяо Лань протянула руку и, коснувшись его ладони, мягко похлопала по ней — жест был естественным и заботливым. — Выйдя замуж за господина из клана Сунь, я стала частью этой семьи. Я хочу помочь клану навести порядок в делах. В будущем ведь нужно будет готовить приданое для Синьэр, дом для Цзие, да и ребенок, который скоро появится на свет... Разве мы с вами не должны вместе заботиться о наследниках клана Сунь?

На этот раз Сунь Шаохуа окончательно перестал что-либо понимать. Он уставился на слишком тонкие пальцы, лежавшие на его руке — холодные, бледные. Он думал, что прекрасно знает Сяо Лань, считал ее просто капризной и вечно недовольной женой, но сейчас почувствовал, что она стала другой.

— Ты и должна была так думать.

Сяо Лань убрала руку, украдкой вытерла ее платком и продолжила:

— В последние годы доходы от этих предприятий, поступающие в дом, уменьшились. Раньше матушка даже отчитывала меня за это, утверждая, что я якобы пересылаю деньги клану Сяо.

Господин тогда тоже присутствовал.

Прежняя хозяйка тогда лишь злилась, а о другом и не думала.

— Хм... — Сунь Шаохуа задумался. Он не только присутствовал, но и сам ее ругал.

— Но я этого не делала. Я часть клана Сунь, зачем мне воровать у самой себя? К тому же, у клана Сяо и так много имущества, те суммы — сущие гроши. А управляющие в тех лавках — люди старые и преданные, они бы никогда не пошли на такие грязные дела.

Ее взгляд был открытым и честным. Сунь Шаохуа действительно знал, что доходы в последние годы упали, но, поскольку суммы оставались внушительными, не придавал этому значения. Но если кто-то сознательно обворовывал его — это совсем другой разговор.

— Почему же ты раньше молчала!

— Я... мне нездоровилось, я едва справлялась с собой. А когда докопалась до истины, внезапно слегла. К тому же... — Сяо Лань подняла глаза, полные горькой обиды, — я была в обиде на господина за то, что вы заставили куртизанку подносить мне чай.

Сунь Шаохуа под ее взглядом почувствовал неловкость, отвел глаза и отмахнулся:

— Разве я не знаю правил приличия? Это были просто слова со зла!

— В прошлый раз, когда я лежала пластом, едва не отправившись на тот свет, я действительно была больна — простудилась, и жар не спадал. Но в этот раз... — Сяо Лань, хотя и презирала его, видя, что он задет, решила ковать железо, пока горячо. — Но в этот раз... — она прижала платок к лицу, имитируя слезы, — впрочем, неважно. Не буду говорить. Господину достаточно знать, что это было...

Она поднялась, голос ее звучал скорбно, сделала шаг назад и поклонилась, бросив на прощание взгляд, полный решимости.

— Я уже во второй раз выбралась из пасти смерти, думаю, третьего раза не будет. Надеюсь, господин будет беречь себя.

Сяо Лань открыла дверь. Снаружи стояли матушка Сюй и Чи Юй. Она слабо, почти без сил, оперлась на косяк, едва не теряя сознание, и матушка Сюй поспешила ее подхватить.

Сунь Шаохуа взглянул на синяки на лице матушки Сюй, но промолчал.

Чи Юй с подозрением посмотрел вслед уходящему господину, а затем с сомнением обернулся. Он отчетливо видел: когда госпожа едва не упала, господин чуть было не протянул руку, чтобы ее поддержать.

С каких пор господин проявляет хоть какую-то жалость к супруге? Раньше он так относился только к наложнице Хэ.

Чи Юй скривился. Он всей душой презирал непостоянство и ветреность хозяина. Сам он никогда бы так не поступил — даже видя столько красавиц в увеселительных кварталах, в его сердце была только Хайтан. В последние дни, когда во дворе госпожи было совсем худо, он тайком подбрасывал Хайтан еду, хотя та и не хотела ее принимать.

— Чи Юй, впредь не смей урезать припасы для покоев госпожи! Сегодняшний чай был

горьким, пить невозможно!

— Слушаюсь... — проворчал про себя Чи Юй. — Раньше не следил, а теперь, когда она дважды чуть не умерла, спохватился.

<http://bllate.org/book/21470/2196837>